

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Половинская Дарья Михайловна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЭЛЕГИЯ НАВЯЗЧИВОГО ВОСПОМИНАНИЯ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ: ПОЭТИКА И ДИНАМИКА ЖАНРА
(ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование
Направленность (профиль) образовательной программы: Литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой
мировой литературы и
методики ее преподавания,
канд. филол. наук,
доцент Полуэктова Т.А.

19.05.2025 [Подпись]
(дата, подпись)

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры мировой литературы
и методики её преподавания
Анисимова Е.Е.

23.06.2025 [Подпись]
(дата, подпись)

Дата защиты 25.06.2025
Обучающийся Половинская Д.М.

25.06.2025 [Подпись]
(дата, подпись)

Оценка 4 (хорошо)
(прописью)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Элегия в теоретическом и историческом освещении	9
1.1.Элегия как лирический жанр: история и типология.....	9
1.2.Элегия навязчивого воспоминания в русской литературе: генезис и поэтика жанра.....	15
Выводы по главе I	19
Глава II. Элегия навязчивого воспоминания в русской литературе XIX–XX веков	21
2.1.Элегия навязчивого воспоминания XIX века: становление канона и динамика жанра	21
2.2.Элегия навязчивого воспоминания XX века: память жанра	26
Выводы по главе II	31
Глава III. Методика анализа элегии навязчивого воспоминания в средней и старшей школе	33
3.1.Литературоведческий аспект изучения элегии навязчивого воспоминания на уроках литературы в школе.....	33
3.2.Методические рекомендации по изучению элегии навязчивого воспоминания на уроках литературы в школе	36
Выводы по главе III.....	42
Заключение	43
Список использованных источников	46

Введение

Теория и историческая поэтика жанров в последнее время переживает в филологической науке второе рождение. Современная жанроведческая школа, представленная именами В. И. Тюпы, С. Н. Бройтмана, Н. Д. Тмарченко, Д. М. Магомедовой и других ученых [Теория литературных жанров, 2011; Тюпа, 2013; Бройтман, 1997], базируется на фундаментальных трудах А. Н. Веселовского и М. М. Бахтина [Бахтин, 1975; Веселовский, 1989]. Современное жанроведение исходит из того, что каждый жанр являет собой неповторимую комбинацию образа мира и человека в этом мире, имеет свои ядро и периферию, канонические образцы и жанровые разновидности. Жанр – категория динамическая и изменяется во времени в зависимости от биографического, исторического и эстетического контекстов эпохи.

Жанровый вопрос потому сегодня находится в активной разработке, что, согласно исследованию Ж.-М. Шеффера, «теория жанров стала тем местом, где решается судьба экзистенциального объема и содержательной дефиниции литературы» [Шеффер, 2010, с. 10]. В нашем исследовании пойдет речь об одном из самых известных лирических жанров – элегии и ее конкретной жанровой разновидности – элегии навязчивого воспоминания. Элегия в ее современном виде появилась на рубеже XVIII – XIX вв. и связана с именами Томаса Грея в английской литературе и Василия Андреевича Жуковского в русской словесности. Основополагающими категориями элегии являются связь прошлого и настоящего, открытие природы и точка зрения рефлексизирующего субъекта. Именно в русской элегии происходила разработка того «внутреннего человека», который явился героем классического русского романа XIX в.

Характеризуя элегический жанр, Д. Н. Дарвин отмечает: «О чем бы ни говорилось в элегии – о смерти любимого или о предчувствии собственной смерти, об утраченной или неразделенной любви, об отошедшей

юности (“унылая” элегия), о невозвратимом “золотом веке”, былой героике, ценностно превосходящей современную эпоху (историческая элегия), – в основе элегической тематики лежит переживание безвозвратно уходящего времени, уносящего молодость, надежды, мечты, любовь, жизнь и разрушающего ценности и идеалы. В зависимости от тематики различают элегии любовные, надгробные, “кладбищенские” (название возникло под влиянием первого образца – “Элегии, написанной на сельском кладбище” Т. Грея и переложения ее на русский язык – “Сельского кладбища” В. А. Жуковского) и “унылые”. <...> Элегическая эмоция (для ее обозначения используются устойчивые слова-сигналы: “уныние”, “меланхолия”, “печаль”, “тоска”, “грусть”, “разочарование”) – сосредоточена на переживании невозвратности, необратимости движения времени для отдельного человека. Элегические формулы отсылают к “утраченному времени”, “воспоминанию”, “томлению” об ушедшем» [Дарвин, 2011, с. 111].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что навязчивое воспоминание как художественный прием занимает важное место в русской лирике, отражая внутренние переживания и психологическое состояние героев. В условиях современного информационного потока и ускоренного ритма жизни особое значение приобретает способность литературы фиксировать и передавать тонкие нюансы памяти, ее влияния на личность и судьбу человека. Элегия навязчивого воспоминания выступает как особый жанровый и поэтический феномен, позволяющий раскрывать глубинные психологические конфликты, а также служит инструментом эстетического осмысления времени и памяти.

«Ранние элегии XVI–XVII вв. возникают как разновидность идиллического жанра: жалобы влюбленной пастушки на покинувшего ее возлюбленного или сетования пастуха на несчастную любовь в равной степени встречаются и в элегии, и в идиллии» [Гуковский, 2001, с. 73]. По словам Г. А. Гуковского, «такие элегии ничем иной раз не отличаются от эклоги, тем более что им сообщены все аксессуары пастушеской поэзии, в

том числе условно-пастушеские имена». Элегии рубежа XVIII – XIX вв. в России уже связаны с таким литературным направлением, как сентиментализм, и открывают ценность природного мира и простых людей, нередко сельских жителей. В этом смысле элегия близка поэтике и идейному содержанию повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», хотя и реализует свою миссию иными художественными средствами.

Актуальность настоящего исследования обусловлена интересом современного литературоведения к теории и исторической поэтике жанров и субъектно-образной структуре русской лирики [Тюпа, 2013; Бройтман, 1997; Зырянов, 2003; Козлов, 2013], проблеме памяти и мнемопоэтике художественной литературы [Бахтин, 1982; Козлов, Мирошниченко, 2011].

Новизна исследования заключается в привлечении и анализе образцов элегии навязчивого воспоминания, ранее не рассматриваемых в литературоведении в этом качестве, а также разработке методических рекомендаций для учителя.

Цель данной выпускной квалификационной работы заключается в выявлении особенностей поэтики элегии навязчивого воспоминания в русской литературе, а также в анализе динамики жанра на протяжении XIX – XX вв. В процессе работы предполагается установить взаимосвязь между художественными приемами, характерными для образцов жанра, и их смысловыми аспектами, определить роль отдельных поэтов в формировании русской версии элегии навязчивого воспоминания.

Задачи, которые мы ставили перед собой для выпускной квалификационной работы:

1. Изучение классических и современных работ по теории и исторической поэтике жанров, теоретических подходов к исследованию элегии и элегии навязчивых воспоминаний;
2. Сбор и анализ произведений русской литературы, относящихся к жанровой разновидности элегии навязчивого воспоминания;

3. Выявление прецедентных текстов, сформировавших канон жанра в отечественной словесности;

4. Определение перечня русских поэтов, с именами которых связаны ключевые вехи истории элегии навязчивого воспоминания в России, эстетических и биографических причин их обращения к данному жанру;

5. Исследование поэтики элегии навязчивого воспоминания и ее жанровой динамики на протяжении XIX – XX вв.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов для разработки вузовских курсов по теории и истории литературы, спецкурсов по жанроведению и изучению образцов данного жанра в школе.

Теоретическая значимость работы заключается в попытке реконструировать полную историю русской элегии навязчивого воспоминания и поставить вопрос об исторические поэтики данной жанровой разновидности.

Объект исследования – жанровая поэтика русской лирики XIX – XX вв.

Предметом исследования является поэтика элегии навязчивого воспоминания в русской литературе, а именно художественные средства, жанровые особенности и динамика развития этого жанра в контексте психологической и эстетической репрезентации памяти.

Материалом исследования выступают произведения русской литературы, в которых реализуются жанровые доминанты элегии навязчивых воспоминаний, а также связанные с ними литературные приемы и жанровые трансформации, отражающие внутренний мир героев и авторские концепции времени и памяти. В центре работы находятся следующие образцы жанра: К. Н. Батюшков «Мой гений», Е. А. Баратынский «В дни безграничных увлечений», В. А. Жуковский «Воспоминание», А. С. Пушкин «Погасло дневное светило», «Редет облаков летучая ряда...», «Я помню чудное мгновение», «Воспоминание»; Ф. И. Тютчев «К. Б.» («Я встретил вас – и всё

былое...»), А. Н. Апухтин «Мухи», О. Мандельштам «Ласточка», С. А. Есенин «Воспоминание», О. Берггольц «Воспоминание».

Теоретико-методологическую базу исследования составила труды научной школы РГГУ по теории литературных жанров [Теория литературных жанров, 2011; Тюпа, 2013], работы Г. А. Гуковского об элегии XVIII в., В. Э. Вацура о «элегической школе» пушкинской эпохи и В. И. Козлова о типологии и истории русской элегии неканонического периода [Гуковский, 2001; Вацура, 1994; Козлов, 2013].

Кроме того, в данной выпускной квалификационной работе были использованы следующие частные методики и аналитические приемы: анализ текста, позволяющий выявить характерные художественные средства, образные и стилистические особенности реализуемых мотивов, этот метод позволил проследить внутреннюю структуру произведений и определить ключевые элементы жанра; сравнительный метод был использован для сопоставления различных произведений и выявления динамики развития жанра в историческом контексте, он способствовал выявлению общих тенденций и уникальных особенностей авторской поэтики; интерпретационный метод применялся для трактовки художественных текстов, а также для анализа психологических аспектов навязчивых воспоминаний и их художественного воплощения.

Структура работы представляет собой введение, три главы, заключение и список использованных источников. Во введении обоснована актуальность работы, приведена теоретико-методологическая база, описана новизна исследования, обозначены цель и задачи. Первая глава посвящена элегии в теоретическом и историческом освещении, генезису, истории и типологии жанра. Вторая глава направлена на изучение истории элегии навязчивого воспоминания в русской литературе XIX–XX веков и динамике жанра. В третьей главе идет речь о методике анализа элегии навязчивого воспоминания в средней и старшей школе, предложены методические

рекомендации для учителя. В заключении подводятся итоги проведенного исследования, а также намечаются его перспективы.

Глава 1. Элегия в теоретическом и историческом освещении

1.1. Элегия как лирический жанр: история и типология

Элегия представляет собой уникальный жанр, который на протяжении всей истории литературы привлекает интерес как читателей, так и литературоведов. «Согласно утвердившимся воззрениям, «элегия обострённо внимательна к временным аспектам бытия», она «сосредоточена на переживании невозвратности, необратимости движения времени для отдельного человека» [Тюпа, 2013, с. 135]. Изначально «слово “элегия” возникло раньше, чем лирический жанр, который ныне этим термином обозначается» [Теория литературных жанров, 2011, с. 109].

«В древнегреческой поэзии термин *elegeia* был приложим к любому стихотворению, написанному элегическим дистихом (двустигиие, состоящее из гекзаметра и пентаметра) и не связанному с какой-либо обязательной тематикой. Первые элегии относят к VII в. до н.э. (Калин, Тиртей, Феогнид). Только в эллинистической и римской поэзии (Тибулл, Проперций, Овидий) элегия получает выраженную связь с любовными сюжетами» [Теория литературных жанров, 2011, с. 110].

В XVII в. Буало, размышляя о жанре элегии выдвигает на первый план тематическую характеристику, говоря об элегии как о скорби по умершему или о печали об ушедшей любви [Теория литературных жанров, 2011]:

«В одеждах траурных, потупя взор уныло,
Элегия, скорбя, над гробом слезы льет.
Не дерзок, но высок стиха ее полет.
Она рисует нам влюбленных смех и слезы,
И радость, и печаль, и ревности угрозы...» [Буало, 1957, с. 68].

В. Г. Белинский термину элегии даёт следующее определение – «песня грустного содержания» [Белинский, 1954, с. 50]. Более поздние исследователи предлагают схожие определения этого жанра. К примеру, М. Л. Гаспаров говорит об элегии как о «стихотворении средней длины, медитативного или эмоционального содержания (обычно печального), чаще всего от первого лица, без отчетливой композиции» [Гаспаров, 2001, с. 81].

Элегия представляет собой уникальный поэтический жанр, который традиционно ассоциируется с выражением печали, скорби и философскими размышлениями о жизни и смерти. «В европейской поэтической культуре – лирическое стихотворение медитативного характера с устойчивыми тематическими и мотивными комплексами, эмоциональной тональностью (“уныние”, “меланхолия”, “печаль”, “разочарование”) и стилистикой. В XVI–XVII вв. элегии занимают маргинальное место в разных национальных поэтических культурах (П. Ронсар, Э. Спенсер, М. Опиц). Интенсивное развитие жанра начинается в XVIII в. и достигает расцвета в эпоху романтизма. С 1830-х гг. элегия постепенно деканонизируется и вновь утрачивает доминирующую роль в системе лирических жанров» [Теория литературных жанров, 2011, с. 109].

В русской литературной традиции элегия занимает значимое место, поскольку через этот жанр литературы авторы делились своими эмоциями, переживаниями и мыслительными размышлениями. Истоки элегии в России можно проследить с XVIII века, когда поэты начали применять этот жанр для передачи личных чувств и общественных потрясений. В классической русской поэзии элегия нередко служила способом обращения к памяти, выражения скорби по ушедшим или размышлений о мимолетности жизни.

Изначально, элегия возникает как разновидность идиллического жанра. И в элегии, и в идиллии в равной степени встречается пастушеская тематика: жалобы влюбленной пастушки на покинувшего ее возлюбленного

или сетования пастуха на несчастную любовь, а также условно пастушеские имена [Гуковский, 2001, с. 73].

«В начале XIX в. элегия вытесняет идиллию на периферию жанровой иерархии. Первая строка эпиграммы А. С. Пушкина-лицеиста «Тошней идиллии и холодней, чем ода...» наглядно этот ценностный сдвиг демонстрирует. К этому времени элегический жанр вырабатывает собственный канон, формируя соответствующую тематику, эмоцию, героя и хронотоп» [Теория литературных жанров, 2011, с. 110].

В. И. Козлов обращает внимание на тот факт, что элегия как жанр опирается на «...большие традиции европейской литературы...», «...в русской неканонической элегии XIX века можно выделить три мощных влияния, в рамках каждого из которых сформировались определённые модели жанра, надолго оставшиеся в отечественной литературе. Это английское, немецкое и французское влияния – порядок в данном случае значим: именно в такой очередности они входили в русскую поэзию. Английское влияние принесло “ночную поэзию”, затем “кладбищенскую элегию”, из последней выросла элегия историческая. Немецкая традиция в русском восприятии отлилась в жанровые формы “унылой” элегии и так называемой элегии о поиске идеала. Французская ветвь обновлённой отечественной элегии представлена аналитической и “осенней” элегиями» [Козлов, 2013, с. 19].

Изучая элегию как жанр, М.Н. Дарвин обращает внимание на следующий первоочерёдный признак элегической тематики: «О чем бы ни говорилось в элегии – о смерти любимого или о предчувствии собственной смерти, об утраченной или неразделенной любви, об отошедшей юности, о невозвратимом “золотом веке”, былой героике, ценностно превосходящей современную эпоху, – в основе элегической тематики лежит переживание безвозвратно уходящего времени, уносящего молодость, надежды, мечты, любовь, жизнь и разрушающего ценности и идеалы» [Теория литературных жанров, 2011, с. 111].

Также М. Н. Дарвин, говоря о элегической эмоции, указывает на устойчивые слова-сигналы: “уныние”, “меланхолия”, “печаль”, “тоска”, “грусть”, “разочарование”. С помощью которых мы можем понять, что элегическая эмоция «сосредоточена на переживании невозвратности, необратимости движения времени для отдельного человека. Элегические формулы отсылают к “утраченному времени”, “воспоминанию”, “томлению” об ушедшем» [Дарвин, 2011, с. 111].

Типология элегий в русской литературе обладает значительным разнообразием. Можно выделить несколько ключевых категорий: личные элегии, посвященные утрате родных или внутренним чувствам; социальные – связанные с трагическими событиями в стране или мире; философские – размышления о жизни, смерти и человеческой судьбе. Каждый из этих типов имеет свои уникальные черты как в форме, так и в содержании. Например, личные элегии отличаются глубиной и искренностью, тогда как социальные – широтой охвата и эмоциональной насыщенностью.

В.И. Козлов, изучая проблемы жанрового мышления русской лирики и анализируя историческое развитие элегии как жанра, выделяет несколько жанровых форм элегии:

1. «Ночная» элегия – «явилась ступенью, предваряющей появление элегии в русской литературе». Главный мотив в ночной элегии – это сон, сравнение жизни со сном. «Сон здесь – это подлинная жизнь страстей, которая становится невозможной, когда приходит отрезвляющий опыт – это событие приравнивается к пробуждению» [Козлов, 2013, с. 21-25];

2. «Кладбищенская» элегия – «Именно с “кладбищенской” разновидности элегии начинается в русской поэзии отчёт неканонической истории этого жанра. «Кладбищенская элегия» как раз и явилась тем жанром, “глазами” которого внешний и внутренний мир были увидены в новом свете – в свете как новой морали, так и новой поэтики» [Козлов, 2013, с. 36]. Русская кладбищенская элегия берёт истоки в «Сельском кладбище» В. А. Жуковского – вольного перевода «Элегии, написанной на сельском

кладбище» Т. Грея (1751 г.). Перед читательским сознанием предстаёт «кладбище неизвестных простых людей» – представителей естественного природного мира, их повседневные заботы, их судьбы, как опыт идеализирующий, позволяющий увидеть «максимальный творческий и чувственный потенциал» [Козлов, 2013, с. 45];

3. Элегия на смерть – «Исторически одним из первых, практически незамеченных прорывов в обновлении жанровой разновидности элегии на смерть стала «Элегия» (1798) И. И. Дмитриева, опубликованная в карамзинском журнале «Аониды», «Элегия на смерть может быть довольно близка “кладбищенской”, но, в отличие от неё, всегда пишется на смерть одного человека. Это не воображаемый незнакомец, судьбу которого пытается представить оказавшийся у погоста поэт, а человек, которого субъект элегического высказывания более или менее хорошо знал» [Козлов, 2013, с. 71];

4. «Унылая» элегия – лирический сюжет в этой форме элегии строится вокруг несчастья, разочаровании в жизни, тоска по ушедшему счастью, воспоминания о нём и печальные мысли о настоящем. «Расцвет “унылой” элегии – 1810-е годы, но уже в 1820-е было ясно, что её язык нужно развивать. Знаменитая критика В. К. Кюхельбекера в статье 1824 года была направлена прежде всего на типовой шеллингианский язык «уныния»: «Чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие. Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях» [Козлов, 2013, с. 95];

5. Историческая элегия – «...термин, который возник при определении особенностей некоторых стихотворений К. Н. Батюшкова. Эти особенности фиксировались давно, изначально было ясно, что это элегия, но – с некоторыми отличительными чертами. В. Г. Белинский назвал данный тип элегии “эпическим”, Б. В. Томашевский – “монументальным”, однако более точным кажется используемый В. Э. Вацуро термин “историческая элегия” –

он фиксирует её главную отличительную черту: историческое мышление, которое в элегии может выходить и за пределы “эпических” и “монументальных» форм”» [Козлов, 2013, с. 127];

6. Элегия личных итогов – «Особенность элегии личных итогов в момент её возникновения – в противостоянии лирического «я» и некой внешней, как правило, социальной среды, которая фактически предопределяет развитие человека и, в конце концов, его жизненный путь. Среда – это ещё не большое историческое время, влекущее человека, как щепку. Последнее появится уже в XX веке – у Мандельштама, Ходасевича и др.» [Козлов, 2013, с. 165];

7. Аналитическая элегия – «...это почти всегда послание конкретному адресату, которому лирический субъект берётся объяснить, что он чувствует прямо сейчас. Аналитическая элегия очевидным образом граничит с жанром лирического послания. Эта элегия, в отличие от других, ситуативна – настоящее время играет в ней особенно важную роль, поэтому элегия такого рода зачастую звучит как драматический отрывок – монолог лирического субъекта, находящегося в определённой ситуации, которая по сравнению с ситуациями «кладбищенской» или исторической элегии кажется бытовой. В то же время аналитическая элегия впервые подала лирического субъекта как существо не просто внутренне изменчивое, но изменяющееся прямо сейчас. Аналитическая элегия открыла внутренний мир человека в его текущей динамике» [Козлов, 2013, с. 185], также говоря о аналитической элегии В. И. Козлов замечает: «Жанровая модель аналитической элегии на этапе её возникновения примечательна тем, что в ней напрямую не работают привычные для элегии мотивы воспоминания, памяти, прошлого. Прошлое здесь дано как накопленный психологический опыт – это прошлое самого переживания, необходимое для того, чтобы понять логику его развития» [Козлов, 2013, с. 192];

8. Элегия навязчивого воспоминания – главный мотив этой формы элегии – ценность воспоминания [Козлов, 2013, с. 215].

Возникает вопрос, что объединяет все эти жанровые разновидности в один лирический жанр. По словам В.И. Козлова, «Во всех элегиях мы в том или ином виде имеем *настоящее в ценностном свете прошлого* (курсив наш – Д. П.)» [Козлов, 2013, с. 20]. Это доминанта элегического жанра.

Итак, элегия – это литературный жанр, в котором центральное значение имеет эмоциональная насыщенность и индивидуальное восприятие трагических событий. В русской литературной традиции эта форма искусства используется не только для выражения горя, но и как способ философского анализа жизни и смерти. В историческом аспекте элегия зачастую являлась реакцией на значимые события – войны, революции, утрату близких. Через элегию авторы искали ответы на вопросы о природе страдания и быстротечности человеческого бытия. В этом жанре ярко выражена склонность к внутреннему размышлению, что способствует пониманию не только эмоций поэта, но и более обширных духовных и этических вопросов.

1.2. Элегия навязчивого воспоминания в русской литературе: генезис и поэтика жанра

Воспоминание как самостоятельный термин в словаре С. И. Ожегова имеет следующие значения: первое – это мысленное воспроизведение чего-либо, сохранившегося в памяти, например, воспоминания детства, которые со временем настигают каждого человека. Второе определение, которое даёт С. И. Ожегов – это записки или рассказы о прошлом, о своей жизни или чьей-либо другой [Ожегов, 1952].

Навязчивые воспоминания в жанре элегии занимают значимое положение в русской литературе, являясь ярким примером внутренней драмы и глубокого психологизма. Этот жанр возник на фоне романтической традиции, где центральное место уделялось личным чувствам, воспоминаниям и внутренним конфликтам. В русской литературной традиции элегия навязчивых воспоминаний развивалась под влиянием как

европейских аналогов, так и характерных для России черт духовной культуры. Её появление связано со стремлением авторов выразить неотступное чувство утраты и ностальгии по ушедшему, а также с желанием запечатлеть в словах неуловимую природу памяти, которая может служить как источником страха, так и источником утешения.

Поэтика данного жанра основана на контрасте между эфемерностью жизни и прочностью воспоминаний, которые словно навязчиво вновь появляются в нашей памяти. В произведениях русских писателей нередко используются повторы, ассонансы и ритмические повторения, создающие эффект заикленности – ощущение, что память не может избавиться от какого-либо образа или события, постоянно к ним возвращаясь. Ключевой характеристикой является эмоциональная насыщенность – чувства печали, тоски и безысходности переплетаются с философским осмыслением временного характера существования.

Генезис этого жанра также связан с развитием романтической концепции о возвышенной страсти и трагической судьбе отдельного человека. Как зарубежные, так и русские писатели использовали этот жанр для передачи не только личных чувств, но и более глубоких культурных и философских вопросов: поисков смысла существования, конфронтации с судьбой и неизбежности смерти. В целом, жанр элегии настойчивого воспоминания стал важным средством для выражения внутренней борьбы человека с его прошлым – борьбы за осознание своей идентичности и роли в мире.

Рассматривая русскую элегию неканонического периода и мотив воспоминания в жанре элегии, В. И. Козлов отмечает, что именно этот мотив приписывается жанру элегии по умолчанию. Но если рассматривать и анализировать жанровые модели, то можно увидеть, что этот мотив может играть разные роли в жанре элегии, а порой даже и вовсе отсутствовать: «... в “унылой” элегии воспоминание пряталось за плачем о “золотых днях” души – оно было лишь ступенью к осознанию внутреннего тупика и

несовершенства мира. В “кладбищенской” элегии воспоминание лирического субъекта отсутствует – здесь, как правило, дана медитация, посвящённая тому, какой могла быть жизнь почивших в безвестности людей. В исторической элегии воспоминание появилось, но в надличностном виде – в роли поэта о своих деяниях здесь вспоминают народы и поколения. В “осенней” элегии воспоминание схематично, поскольку обусловлено циклическим мышлением этой жанровой модели – весной здесь помнят об осени, и наоборот. В “ночной” элегии воспоминание может присутствовать, но здесь оно одевается в мистические тона – и неясно, воспоминание это, сон или пророческое видение. В элегиях о поиске идеала воспоминание посвящено земной жизни как таковой. В элегии личных итогов оно оказывается инструментом обобщения опыта. В аналитической элегии, которая занимается переживанием, конкретное переживание часто не имеет отношения к воспоминанию» [Козлов, 2013, с. 215].

Элегию навязчивого воспоминания В. И. Козлов выделяет как сердцевину жанра элегии, называя её элегией элегий, центром на условной карте жанра в неканонический период развития. Также ученый указывает на то, что элегия навязчивого воспоминания является разновидностью аналитической элегии, так как она полностью посвящена «сюжету переживания во всей его сложности», но в элегии навязчивого воспоминания переживается не любовь и не грусть, а сам приход воспоминания, который всегда нарушает «будничное, прагматичное существование человека» [Козлов, 2013, с. 215].

«Элегия навязчивого воспоминания исследует обстоятельства появления воспоминания – и по мере этого исследования проясняется степень зависимости лирического “я” от неконтролируемой памяти, предстающей в действии. Воспоминание здесь становится первичным по отношению ко всем остальным переживаниям: именно в способности помнить – или не забыть – укоренены и любовь, и грусть элегического субъекта» [Козлов, 2013, с. 216].

Таким образом, элегия навязчивого воспоминания является уникальным жанром в литературе, пронизанным глубокими эмоциональными переживаниями, философскими размышлениями о времени, памяти и человеческом опыте. Навязчивые воспоминания о любви, ностальгии или утрате, влияя на эмоциональные переживания человека, формируют лирическое «я» и приводят к осознанию ценности прошедшего ценного опыта.

Выводы по главе I

В завершение первой главы, посвященной теоретическому и историческому освещению элегии, с особым акцентом на жанровую разновидность элегии навязчивого воспоминания, можно выделить несколько ключевых моментов, систематизирующих полученные результаты и определяющих место данного жанра среди других форм лирической поэзии.

Изначально элегия возникает как разновидность идиллического жанра, так как и в идиллии, и в элегии мы можем в равной степени встретить пастушескую тематику.

С течением времени элегия начала изменяться и развиваться, принимая разные формы в различных литературных традициях. На рубеже веков она превратилась в жанр, который стал олицетворением чувствительности и романтизма. В это время элегия часто использовалась для выражения скорби по ушедшей любви, утрате близких и размышлений о бренности жизни.

Генезис и развитие элегии навязчивого воспоминания в русской литературе показывают, как социально-исторические условия и культурные контексты формировали этот жанр. Отчасти это касается влияния романтизма, где акцент на индивидуальных переживаниях и внутреннем мире человека нашел свое полное выражение. Многие русские поэты внесли значительный вклад в формирование и развитие этого жанра, что позволяет говорить о его заметном месте в русской литературной традиции.

Элегия навязчивого воспоминания как жанр полностью раскрывает свои возможности в отображении человеческой внутренней жизни, позволив авторам передавать не только личные эмоции, но и осмыслять более широкие социальные и культурные вопросы. Основные типологические черты элегии включают её лирическую природу, что проявляется в акценте на эмоциональных переживаниях героя и воспоминаниях о прошлом. Элегия, как правило, характеризуется высокими темами (уныние, несовершенство

мира, любовь, утрата, человеческая судьба) и глубиной содержания, что делает её универсальным инструментом для передачи многослойных смыслов.

Таким образом, элегия навязчивого воспоминания представляет собой многослойное и многогранное явление, отличающееся не только поэтической формой и тематикой, но и универсальной значимостью.

Глава 2. Элегия навязчивого воспоминания в русской литературе XIX–XX веков

2.1. Элегия навязчивого воспоминания XIX века: становление канона и динамика жанра

Канон элегии навязчивого воспоминания начинает формироваться в XIX веке, а в XX веке демонстрирует заметную динамику. В первой половине XIX столетия жанр обретает новое звучание благодаря влиянию сентиментализма и романтизма.

В западноевропейских литературах, прежде всего, в английской, элегия появляется в период сентиментализма. В русской литературе создателем первых канонических элегий становится В. А. Жуковский, соединивший в своем творчестве черты сентиментализма и романтизма, а также два ключевых жанра этих литературных направлений – элегии и баллады [Анисимов, Анисимова, 2023, с. 12–15]. В. И. Козлов и О. С. Мирошниченко указали на точку пересечения между двумя жанрами, которая сделала возможным жанровую контаминацию: «Ключевую роль в смежности элегии и баллады играет жанрообразующий для элегии мотив воспоминания, который склонен легко перерождаться, представая в образах невозвратно утраченного или даже живого (в памяти) умершего. А здесь мы уже имеем ключевой для баллады мотив пересечения границы между этим и другим мирами» [Козлов, Мирошниченко, 2011, с. 36]. В элегии образ является в воображении лирического субъекта, а в балладе – в реальности («жених-мертвец» и т.п.).

Эпоха романтизма – это период наибольшего расцвета жанра элегии нового времени. Именно этот жанр смог наиболее адекватно выразить «романтическую неудовлетворенность жизнью», в элегии, в период романтизма, проявилось само существование романтического мироощущения. «Именно в элегиях изображаемые поэтом факты

становились прежде всего средством выражения его грустных размышлений о скоротечности жизни, о прочности её устоев» [Маркова, 2016, с. 44].

В этот период происходит стремительное развитие жанра элегии и темы памяти в этом жанре, которая становится неотъемлемой частью поэтики, изучаемого нами жанра элегии навязчивого воспоминания.

Само слово «воспоминание» в литературе, например, в XVIII веке и ранее употреблялось в своём традиционном функциональном значении – как упоминание, уведомление, напоминание. И такое воспоминание полностью контролируется человеком, а значит не вызывает рефлексии. «Именно в жанре элегии человек начала XIX века открывал для себя ценность воспоминания, сложность представления о котором по сравнению с предыдущим веком кардинально возросла» [Козлов, 2013, с. 216].

«Воспоминание в неканонической элегии превращается в самостоятельного субъекта-призрака, раскидывается идиллическим миром детства, а порой оказывается мерилем способности быть человеком» [Козлов, 2013, с. 216].

Козлов В. И. в своей монографии «Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории» отмечает, что «одним из первых чистых образцов жанра элегии навязчивого воспоминания» является стихотворение К. Н. Батюшкова «Мой гений» (1815):

«О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,

И образ милый, незабвенный,
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон» [Батюшков, 1989, с. 220–221].

Анализируя стихотворение К. Н. Батюшкова, мы видим, как в первых строках в лирическом герое, в человеке обнаруживается «память сердца», вполне автономная и нарочито противопоставленная «памяти рассудка», которая характеризуется красноречивым эпитетом «печальной». «Вся лирическая ситуация – переживание “памяти сердца” в действии, лирический сюжет раскрывает образ воспоминания, которое превращается по ходу стихотворения в самостоятельного субъекта – “гения”, “хранителя”, стерегущего даже “печальный сон”» [Козлов, 2013, с. 216].

Воспоминание как отдельный субъект, как аллегорическая фигура, а также как двойник лирического героя можно встретить и в стихотворении 1831 года Е. А. Баратынского:

«В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей» [Баратынский, 1989, с. 159].

Рассматривая мотив воспоминания в жанре элегии, нельзя не заметить, что одна из моделей жанра, выделенная В. И. Козловым, а именно «унылая» элегия, развивается в одно и то же время с элегией навязчивого воспоминания. А именно «Воспоминание, согласно логике лирического сюжета “унылой” элегии, утешает тогда, когда человек уже осознал своё финальное поражение в споре с судьбой» [Козлов, 2013, с. 216]. Что мы и

можем проследить в стихотворении В. А. Жуковского «Воспоминание», написанное в 1816 году:

«Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобных вам уж сердцу не нажить!
Ваш след в одной тоске воспоминанья!
Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!
К вам часто мчит привычное желанье –
И слез любви нет сил остановить!
Несчастье – об вас воспоминанье!
О, будь же грусть заменой упованья!
Но более несчастье – вас забыть!
О, будь же грусть заменой упованья!
Отрада нам – о счастье слёзы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, – увы! И позабыть!» [Жуковский, 1959, с. 448].

Здесь воспоминание толкает лирического героя к страданиям, к осознанию, что золотая пора прошла, но при этом воспоминание является лучше, «чем совершенно пустое настоящее» [Козлов, 2013, с. 220]. «Воспоминание» Жуковского имеет биографический характер. Именно в 1816 году стало известно, что возлюбленная поэта М.А. Протасова выходит замуж за И. Ф. Мойера (согласия на брак Жуковского и Маши Протасовой не дала Е. А. Протасова – мать девушки и сводная сестра Жуковского). Именно в этот период поэтом было осознано поражение в борьбе со своей судьбой.

Также навязчивое воспоминание с мотивом «унылой» элегии мы встречаем у А. С. Пушкина в элегии «Погасло дневное светило...» (1820 г.). Здесь прошлое перестаёт быть шаблонно-идиллическим, в стихотворении «Редет облаков летучая гряда» 1820 года – приход воспоминания – единственное, что происходит, а всё что было до него и после – отдано изобразительности. В «Я помню чудное мгновенье...» 1825 года –

воспоминание символизируется, приближаясь к способности узнавать идеал и помнить его облик. А в стихотворении «Воспоминание» 1828 года Пушкин показывает «...драму отношений между олицетворённым воспоминанием о себе прежнем и собою нынешним. Если обобщать, то Пушкин, разрабатывая жанр аналитической элегии, привнёс драматизм в отношения лирического “я” и воспоминания – эти отношения впервые в русской поэзии появились именно у Пушкина в качестве новой сферы поэтической разработки» [Козлов, 2013, с. 221].

Если у Е. А. Баратынского, В. А. Жуковского и А. С. Пушкина в основном воспоминание рассматривается как отдельный самостоятельный субъект, то у Ф. И. Тютчева в стихотворении «К. Б.» – воспоминание толкает на преобразование лирического героя:

«Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне, –
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...
Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..» [Тютчев, 1870, с. 219].

«...воспоминание даёт возможность «заговорить» жизни, а ощущение вернувшейся весны связано со способностью человека к узнаванию. В этой особенности элегии навязчивого воспоминания – в ней практически все способности обретаются лирическим субъектом через воспоминание» [Козлов, 2013, с. 224].

Пушкинскую линию продолжает А. Н. Апухтин, создавая образ мучительных отношений человека и воспоминания. Стихотворение «Мухи» 1873 года «...неожиданно высветило удел человека в мире. Попытки

отогнать назойливую память оказались главным драматическим сюжетом жизни» [Козлов, 2013, с. 224].

Элегия с мотивом навязчивого воспоминания в XIX веке показывает заметную динамику развития, отражающую внутренние переживания лирических героев и культурные изменения того времени. Жанр обретает новое звучание, благодаря влиянию романтизма в первой половине века. Элегия, как специфический жанр поэзии, здесь становится одним из наиболее ярких средств самовыражения, способным передать глубину внутреннего мира лирического героя.

Расцвет жанра происходит в первую половину века в творчестве В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина – элегия развивается, но утрачивает определённую форму, становится более свободной, с эмоционально-философскими размышлениями.

2.2 Элегия навязчивого воспоминания XX века: память жанра

Элегия навязчивого воспоминания как жанровая форма нашла свое особое развитие в XX веке, отражая изменения в восприятии памяти и скорби на фоне социально-политических кризисов, технологических достижений и исторических катаклизмов. В этих условиях память становится не просто личным опытом, а общим явлением, что находит отображение в литературных произведениях того времени. XX век насыщен множеством текстов, в которых элегия настойчивого воспоминания обладает яркой эмоциональной насыщенностью и глубиной психологического анализа. В таких произведениях память часто представляется как навязчивая сила, которая не позволяет герою избавиться от чувства заикленности на прошлом, утрате или трагедии. Жанр элегии в XX веке становится инструментом для выражения внутренней борьбы человека с историческими событиями – войнами, революциями и репрессиями – так и с личными потерями и разочарованиями.

В стихотворении О. Мандельштама «Ласточка» 1920 года, воспоминание в первых строчках предстаёт чем-то «земным», простым и будничным:

«Я слово позабыл, что я хотел сказать.

Слепая ласточка в чертог теней вернется

На крыльях срезанных, с прозрачными играть.

В беспомыслии ночная песнь поется» [Мандельштам, 1920, с. 130].

Первая строка стихотворения – точка художественного мира, к которой возвращается автор и от которой отталкивается лирическое высказывание. «Но по мере развития лирического сюжета нагнетается навязчивость памяти о забытом слове, которая приравнивается здесь к попыткам его вспомнить» [Козлов, 2013, с. 228].

Ласточка в этом стихотворении является воспоминанием-узнаванием, способностью опознавать мир, подбирать к реальности верные имена. Без этой способности удел всего сущего – «чертог теней». И память об этом преследует человека неотвязно. А забытые слова – это тени. Слово, которое «я хотел сказать», уже полетело было, подобно ласточке, но было забыто – и потому у ласточки «крылья срезаны [Козлов, 2013, с. 224].

Также мотив воспоминания, с которым связаны важнейшие тематические линии творчества автора, мы можем проследить в лирике С. А. Есенина. Например, можем прочувствовать ностальгию по уходящей юности и угасшей любви в стихотворении «Не бродить, не мять в кустах багряных...», также память о детстве, проходящем в деревне в стихотворении «Мой путь» и тоску по Родине в стихотворении «Персидские мотивы». В стихотворении «Воспоминание» мотив навязчивого воспоминания прослеживается более явно, но на примере жизненного опыта и передаче житейской мудрости людям более молодым:

«За окном, у ворот

Вьюга завывает,

А на печке старик
Юность вспоминает.
Эх, была-де пора,
Жил, тоски не зная
Лишь кутил да гулял,
Песни распевая.
А теперь что за жизнь?
В тоске изнываю
И порой о тех днях
С грустью вспоминаю» [Есенин, 1966, с. 11].

Слова старика – это воспоминания об ушедшей юности и молодости, которую уже не вернуть. Результаты событий и смысл происходящего «сейчас» наталкивают на навязчивые воспоминания лирического героя о прошлом, используя «тоску» и «грусть». Воспоминания помогают сопоставить происходящие события с прошлым [Петрова, 2011, с. 42].

В стихотворении О. Берггольц «Воспоминание» 1937 года используется приём анафоры – каждый раз автором предпринимается попытка описать, на что похоже воспоминание:

«Точно кто-то окликнул знакомым
тайным прозвищем. Точно друг,
проходя, торопясь, – мимоходом припомнил
и в окно мое стукнул вдруг.
Точно кто-то взглянул с укоризной,
и безродный чистый родник
стукнул в сердце, возжаждал жизни,
ждет, чтоб песней к нему приник...» [Берггольц, 1983, с. 157].

«Элегия навязчивого воспоминания вся о том, как это – помнить, как происходит встреча с прошлым. Как и у О. Берггольц, эта встреча часто

передаётся прежде всего изобразительными средствами – внутреннее событие переводится на язык внешних картин; так появляется “друг”, «мимоходом» постучавший в окно. Воспоминание в этом стихотворении сравнивается с “вестником”, “гостем издалека”, вызывающим в сердце “безродный чистый родник”, который здесь – сердцевина человеческого начала» [Козлов, 2013, с. 227–228].

Изучая жанр элегии навязчивого воспоминания, можно выделить два «гнезда», в которые группируются стихотворения этой жанровой разновидности: стихотворения с названием «Воспоминание» и стихотворения, в которых мы можем встретить пушкинскую конструкцию: «Я помню...».

Стихотворения с названием «Воспоминание» можно встретить у многих поэтов, например, у А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, И. А. Бунина, С. А. Есенина, А. А. Ахматовой и т.д.

Такие стихотворения обычно строятся вокруг осмысленного, часто философского взгляда на прошлое. Воспоминание здесь может быть, как светлым, так и трагичным, но оно обычно занимает центральное место и задаёт тон всему произведению. В таких стихотворениях с мотивом воспоминания, часто разворачивается повествование или раздумье, воспоминание становится поводом для размышления о жизни, времени, судьбе.

Например, стихотворение А. С. Пушкина «Воспоминание» (1828 г.). Здесь поэт обращает внимание на мучительные воспоминания героя, на ночные думы о неудовлетворенности судьбой. Поэт обращается к прошлому, к определенным моментам жизни, которые оставили глубокий след.

В стихотворениях с названием «Воспоминание» – наименование фиксирует тему сразу, само воспоминание является основной лейтмотивной идеей и в таких стихотворениях часто присутствует философский подтекст.

Стихотворения с устойчивой формулой «Я помню...» также можно встретить у многих поэтов: К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина,

М. Ю. Лермонтова, И. А. Бунина, А. А. Блока, С. А. Есенина, М. И. Цветаевой и т.д.

Такие строки в стихотворения часто служат началом чего-то личного, какого-то эмоционального воспоминания, обращенного к конкретному событию или образу. «Я помню...» – это заявление лирического героя, подчёркивающее значимость и живучесть памяти. Стихотворения с такими строками могут быть более интимными, сосредоточенными на деталях, эмоциях, связанных с конкретным моментом.

Например, стихотворение М. И. Цветаевой «Я помню первый день, младенческое зверство...» (1917 г.). В стихотворении затрагиваются темы любви, страсти и детских воспоминаний. Здесь воспоминания – это яркий образ, вызвавший сильные чувства.

В стихотворения со строками «Я помню...» мы можем заметить, что всегда акцентируется внимание на субъективном опыте, часто поэты выражают ностальгию, благодарность, иногда грусть. И внимание держится на конкретном образе или моменте.

Таким образом, стихотворения с названием «Воспоминание» носят обобщенный, философский характер, размышляя о прошлом как таковом, мы видим обобщенный взгляд на жизнь, время и судьбу. А стихотворения со строками «Я помню...» акцентируют личное, эмоциональное переживание конкретного момента из прошлого, который запал глубоко в душу.

Выводы по главе 2

В заключение второй главы, которая была посвящена элегии навязчивого воспоминания в русской литературе XIX–XX веков, можно выделить несколько ключевых моментов, позволяющих глубже понять жанровые трансформации, произошедшие в указанный период.

Если рассматривать тематику и настроение, то можно заметить, что в XIX веке элегии навязчивого воспоминания часто выражают романтическую тоску по утраченному, ностальгию по прошлому, по идеалам, любви и Родине. Воспоминания в них возвышены, окрашены меланхолией и сохраняют оттенок надежды и духовного поиска. А в XX веке элегии связаны с травмой, утратами, чувством отчуждения и потерянности.

По эмоциональной доминанте элегия навязчивого воспоминания в XIX веке показывает нам грусть, которая гармонична и даже светла – воспоминания воспринимаются как источник внутренней силы и вдохновения. А в XX веке грусть становится тревожной, мучительной, иногда даже отчаянной. Воспоминания приобретают навязчивый характер.

В XIX веке элегия навязчивого воспоминания – это возвышенная, гармоничная рефлексия о прошлом, наполненная надеждой и философскими размышлениями. А в XX веке трансформируется в более сложное и тревожное переживание памяти, отражающее внутренние переживания, противоречия и травмы человека.

Изменения жанра в XX веке также указывают на его адаптацию к новым социокультурным реалиям. Современная российская поэзия продолжает искать новые формы выражения через жанр элегии навязчивого воспоминания, обращаясь к темам, связанным с коллективной памятью, утратой идентичности и личными переживаниями, выходящими за рамки традиционного понимания любви или горя.

Таким образом, элегия навязчивого воспоминания XX века отражает не только индивидуальные переживания поэтов, но и глубинные

социокультурные изменения, которые формировали и преобразовывали русскую литературу.

Глава 3. Методика анализа элегии навязчивого воспоминания в средней и старшей школе

3.1. Литературоведческий аспект изучения элегии навязчивого воспоминания на уроках литературы в школе

Литературоведческий аспект анализа элегии навязчивого воспоминания на уроках литературы является значимым элементом формирования у школьников осознания психологической глубины и эмоциональной насыщенности русской поэзии и прозы. Исследование данного жанра позволяет выявить его поэтические особенности, понять, какую роль играют образы памяти и скорби в художественной вселенной автора, а также проанализировать связь между внутренним состоянием персонажа и историко-культурной средой. В ходе уроков особое внимание уделяется тому, как поэты и писатели применяют приемы повторения, метафоры и символику для передачи навязчивых воспоминаний, создавая чувство заикленности и внутреннего конфликта. Это развивает у учеников аналитическое мышление, навыки выявления художественных средств и интерпретации их значения в контексте общего настроения произведения.

Изучение элегии навязчивого воспоминания позволяет глубже осознать, как литература отражает общечеловеческие чувства – грусть, утрату и неспособность уйти от прошлого. В процессе занятий рассматриваются конкретные творения русских авторов, таких как А.С. Пушкин, В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский и Ф. И. Тютчев, которые наглядно иллюстрируют характеристики этого жанра. Анализ данных произведений помогает развивать умения работы с текстом: выявление ключевых тем, художественных средств и эмоциональных акцентов. Кроме того, обсуждение жанра в классе способствует развитию эмпатии и понимания того, каким образом литература помогает людям осмыслить свои чувства и обнаружить в них отклик. В целом, литературоведческий анализ элегии навязчивого

воспоминания не только углубляет знания о жанровых особенностях русской литературы, но и развивает критическое мышление и эмоциональную восприимчивость у обучающихся. Важно, чтобы знания об особенностях жанра помогали понять смысл художественного произведения.

Прежде всего, основным принципом анализа элегии навязчивого воспоминания является акцент на эмоциональной составляющей произведения. Учащиеся должны понимать, что элегия призвана передавать не только личные переживания автора, но и общечеловеческие чувства, такие как ностальгия, утрата и стремление к идеалам. Эмоциональная насыщенность текстов элегии требует от учащихся способности сопереживать, что может быть достигнуто через активное обсуждение текста, его прочтение в сочетании с выразительным чтением, а также использование творческих заданий, таких как «Вырази свои чувства к тексту» или написание собственных элегий после знакомства с произведениями классиков.

Важным элементом литературоведческого анализа является выделение жанрообразующих признаков элегии навязчивого воспоминания. Это включает в себя определение основных тем и мотивов, характерных для элегии: тема памяти, граничащая с ностальгией; элементы размышления о времени и его влиянии на человека; столкновение удовольствий прошлого с безысходностью настоящего. При изучении конкретных произведений учащиеся могут составлять схемы или карты памяти, чтобы визуализировать связи между этими темами и эмоциями, что делает обучение более интерактивным и запоминающимся.

Изучение жанра элегии навязчивого воспоминания в средней и старшей школе включает в себя взаимодействие эмоционального восприятия и изучение историко-культурных контекстов, создавая пространство для глубокого изучения и понимания как текста, так и автора.

Для эффективного изучения элегии навязчивого воспоминания в школе необходимо разработать разнообразные творческие задания, которые помогут учащимся глубже понять этот жанр.

К примеру, одним из подходов в изучении жанра элегии навязчивого воспоминания может быть написание собственных стихотворений в этом стиле по определенной модели и формуле жанра, которую учащиеся могут создать вместе с учителем при анализе произведений. В своих стихотворениях ученики должны будут отразить личные воспоминания или эмоциональные переживания, используя выразительные средства языка и символику, характерные для элегии. Этот метод позволяет сформировать у детей чувство сопереживания и глубокого эмоционального отклика на литературные произведения.

Вторым важным заданием может стать анализ жанра элегии навязчивого воспоминания с точки зрения структуры и языка. Обучающиеся могут выбрать известные произведения, такие как работы В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, И. А. Бродского и исследовать, как поэты выстраивают свои тексты, используя различные поэтические приемы. Это задание способствует развитию аналитического мышления и навыков литературного анализа. Кроме того, такая работа помогает учащимся выявить, как личные и общественные обстоятельства влияли на творчество авторов, что, в свою очередь, позволяет установить связь между прошлым и настоящим.

Также можно предложить на уроках литературы в старшей школе использовать задания на сравнение различных традиций написания элегий. Учащиеся могли бы проанализировать, как элегия менялась с течением времени и как различные культурные контексты и личные переживания писателей влияли на эту форму искусства. Работая с историческими аспектами жанра, учащиеся смогут более полно осознать его эволюцию и разнообразие, что дополнительно обогатит их знания о литературе.

Нельзя забывать и о том, что изучение элегии навязчивого воспоминания может быть дополнено работой с визуальными искусствами. Ученикам можно предложить создать иллюстрации, которые отражают тематику и чувства стихотворений, а также визуализировать ключевые образы и эмоции. Это задание способствует развитию не только литературных, но и художественных навыков, усиливая понимание текста через другие формы искусства.

3.2. Методические рекомендации по изучению элегии навязчивого воспоминания на уроках литературы в школе

Технологическая карта урока по литературе в 9 классе на тему: «Мотив навязчивого воспоминания в поэзии А. С. Пушкина»

Класс: 9

Тема: «Мотив навязчивого воспоминания в поэзии А.С. Пушкина»

Тип урока: урок открытия нового знания

Цель: познакомить учащихся с понятием навязчивого воспоминания как литературного мотива; проанализировать проявление этого мотива в лирике А. С. Пушкина, сформировать понимание того, как воспоминания влияют на настроение и смысл стихотворения.

Задачи:

- Объяснить значение мотива навязчивого воспоминания;
- Раскрыть идейный смысл стихотворений, в которых воспоминания являются основой сюжета и настроения;
- Вспомнить понятие элегии, как литературного жанра;
- Проанализировать стихотворения А. С. Пушкина, обратить внимание на мотив воспоминания в поэзии;
- Углубить знания о лирике поэта, продолжить формирование читательских навыков исследовательского характера.

Планируемые результаты:

Личностные: развитие мотивации к изучению литературы как предмета для самопознания и успешного обучения; формирование ценностно-смысловых представлений о человеке и мире в процессе анализа стихотворений

Метапредметные:

- познавательные: умение анализировать текст (определять тему и главную мысль, воспроизводить последовательность событий, составлять план); умение использовать разные виды чтения
- коммуникативные: умение слушать, вести диалог, работать в группах
- регулятивные: умение самостоятельно формулировать проблему и цели урока

Предметные: умение анализировать лирические произведения.

Ход урока

Этап урока	Содержание урока (деятельность учителя)	Деятельность учащихся	Время
Организационный момент	Приветствие учащихся. Проверка готовности к уроку. «Здравствуйте! Давайте посмотрим друг на друга и улыбнемся!»	Здороваются, улыбаются друг другу.	
Мотивация к учебной деятельности	Учитель читает наизусть стихотворение: «Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты...» Вопрос к детям: «Стихотворение какого поэта вы сейчас услышали я?»	Внимательно слушают стихотворение.	
Актуализация ранее полученных знаний	«Для начала давайте вспомним, что мы знаем о Александре Сергеевиче Пушкине» Вопросы: 1. Что вы знаете об эпохе, в которой жил А. С. Пушкин? 2. Какие произведения А.С. Пушкина вы знаете? 3. Какие литературные герои из произведений А.С. Пушкина	Отвечают на вопросы.	

	<p>вам запомнились и почему?</p> <p>4. Какие главные темы пушкинской лирики?</p> <p>5. Какие основные мотивы вы знаете в творчестве поэта?</p> <p>6. Что такое лирика? А что такое элегия?</p>		
Целеполагание	<p>Вместе с учениками формирование темы и цели урока.</p> <p>Сегодня мы с вами вспомним жанр лирики, такой как элегия.</p> <p>Поговорим о элегии навязчивого воспоминания в поэзии А.С. Пушкина.</p>	Записывают теорию в тетради.	
Изучение нового	(Биография писателя, теория)		
<p>Решение учебных ситуаций (работа с текстом). 1. Художественное восприятие и выявление восприятия. 2. Анализ</p>	<p>Давайте вспомним какие стихотворения мы уже знаем у Александра Сергеевича Пушкина?</p> <p>А теперь давайте вернёмся к стихотворению, прочитанному мною в начале урока.</p> <p>Заново читается стихотворение, текст у учащихся на столах.</p> <p>Вопросы:</p>	<p>Обсуждают, какие темы и мотивы характерны для лирики Пушкина, вспоминают уже изученные произведения.</p> <p>Отвечают на вопросы.</p>	

	<p>1 группа – Композиция и структура;</p> <p>2 группа – Тема и проблема;</p> <p>3 группа – Средства выразительности;</p> <p>4 группа – История создания.</p>	<p>Читают стихотворение в группах, анализируют, ищут информацию.</p>	
Обобщение	<p>Таким образом, мотив воспоминания в поэзии А.С. Пушкина не всегда несет позитивный настрой. В стихотворении «Воспоминание» размышления о прошлом, которые приносят страдания и угрызения совести. Для героя воспоминания становятся тяжёлым бременем, от которого невозможно освободиться.</p>	<p>Оформление анализа стихотворения в рабочих тетрадях. Запись выводов</p>	
Рефлексия			
Домашнее задание	<p>Проанализировать одно стихотворение на выбор, обязательно выделить мотив воспоминания («Погасло дневное светило» (1820), «К морю» (1824), «Вновь я посетил» (1835), «19 октября (Роняет лес багряный свой убор)» (1825).</p>		

Выводы по главе 3

Таким образом, литературоведческий аспект изучения элегии навязчивого воспоминания на уроках литературы подразумевает комплексный подход, включающий применение разнообразных методов и приемов обучения. Это обеспечивает не только глубокое понимание жанра, но и формирование у учащихся необходимых навыков литературного анализа.

Внедрение творческих заданий в изучение элегии навязчивого воспоминания на уроках литературы в средней и старшей школе поможет создать более глубокое и многогранное восприятие жанра, а также развить у школьников навыки критического мышления, творческого самовыражения и междисциплинарного подхода к изучению литературы.

Заключение

Элегия навязчивого воспоминания, как лирический жанр русской литературы, развивался динамично, акцентируя внимание на поэтике и влиянии воспоминаний на эмоциональные переживания лирического героя. В ходе анализа было выявлено, что истоки данного жанра уходят в глубокую древность, однако его наиболее яркое проявление наблюдается в XIX веке, когда русская литература переживала период значительных изменений и трансформаций. Элегия навязчивого воспоминания стала не только отражением личных переживаний авторов, но и важным культурным феноменом, который позволил осмыслить и переосмыслить опыт прошлого.

Поэтика элегии навязчивого воспоминания характеризуется сложностью и многослойностью. Лирическое «я» в таких произведениях часто оказывается в состоянии внутреннего конфликта, где воспоминания о любви, утрате и ностальгии становятся основными темами. Эти чувства, пронизывающие тексты, создают уникальную атмосферу, в которой читатель может ощутить глубину переживаний героя.

Воспоминания, как правило, не являются простым отражением прошлого, а скорее представляют собой активный процесс, в котором прошлое и настоящее переплетаются, создавая новые смыслы и значения. Лирический герой, погружаясь в свои воспоминания, часто сталкивается с противоречиями и парадоксами, что делает его переживания еще более глубокими и многослойными. Память не только сохраняет опыт, но и формирует личность, определяет восприятие мира и самого себя.

В ходе исследования получены следующие **результаты**.

1. Генезис и развитие элегии навязчивого воспоминания в русской литературе показывают, как социально-исторические условия и культурные контексты формировали этот жанр. Отчасти это касается влияния романтизма. Элегия навязчивого воспоминания занимает важное место среди

жанров лирической поэзии, выступая связующим элементом между личными и универсальными темами. Этот жанр не ограничивается простым отражением эмоций: он становится пространством для глубокого философского и культурного осмысления, что и делает его особенно ценным как для литературы, так и для практики преподавания.

3. Элегия навязчивого воспоминания была охарактеризована как жанр, сосредотачивающийся на глубокой эмоциональной рефлексии и личных переживаниях, связанных с памятью. Эти переживания часто сопряжены с темами утраты и ностальгии, что позволяет говорить о её универсальности и способности резонировать с читательскими чувствами на протяжении многих поколений. В XIX веке элегия была местом для выражения чувств романтизма, отражая личные испытания поэтов, в то время как в XX веке, с приходом новой социальной реальности, элегия преобразовалась, включая более сложные и многослойные интерпретации.

4. Анализируя стихотворения с названием «Воспоминания» и стихотворения с устойчивой формулой «Я помню...» как ядро данной жанровой разновидности можно сделать вывод, что в стихотворениях со строками «Я помню...» мы можем заметить – всегда акцентируется внимание на субъективном опыте, часто поэты выражают ностальгию, благодарность, иногда грусть. И внимание держится на конкретном образе или моменте.

Таким образом, стихотворения с названием «Воспоминание» носят обобщенный, философский характер, размышляя о прошлом как таковом, мы видим обобщенный взгляд на жизнь, время и судьбу. А стихотворения со строками «Я помню...» акцентируют личное, эмоциональное переживание конкретного момента из прошлого.

Перспективы настоящего исследования видятся в исследовании поэтики элегии навязчивого воспоминания в прозе.

В целом, подводя итог исследованию, можно утверждать, что элегия навязчивого воспоминания представляет собой важный и многослойный жанр, который не только отражает личные переживания и исторические

события, но и является мощным инструментом для формирования литературного сознания у молодого поколения. Эти результаты подчеркивают значимость данной темы как в контексте литературных исследований, так и в образовательной практике, задают направление для дальнейших научных изысканий и внедрения новых методик преподавания литературы в школах

Список использованных источников

1. Анисимов К. В., Анисимова Е. Е. Очерки теории и истории русской баллады. Жанрологическое исследование: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. 312 с.
2. Ахматова А. А.. Собрание сочинений: в 6 т. / сост., подгот. текста, коммент., ст. Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998 – наст. вр.
3. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1989. 462 с.
4. Батюшков К. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1989. 515 с.
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 502 с.
6. Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении. Нью-Йорк: Серебряный Век, 1982. 231 с.
7. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1954. Т. 5. 863 с.
8. Берггольц О. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1983. 607 с.
9. Бродский И. А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-классика, 2012. 877 с.
10. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: РГГУ, 1997. 307 с.
11. Буало Н. Поэтическое искусство. М.: Гослитиздат, 1957. 231 с.
12. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб.: Наука, 1994. 241 с.
13. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.

14. Гаспаров М. Л. Три типа русской романтической элегии // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Том II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 362–382.
15. Гаспаров М. Л. Элегия // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1229 с.
16. Головкин В. М. Герменевтика литературного жанра. М.: Флинта, Наука, 2012. 182 с.
17. Григорьян К. Н. Пушкинская элегия. Л.: Наука, 1990. 255 с.
18. Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. / Общ. ред. и вступ. ст. В. М. Живова. М.: Яз. рус. культуры, 2001. 367 с.
19. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука Голос, 1995 – наст. время.
20. Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
21. Завьялова Е. Е. Жанровые модификации в русской лирике 1880–1890-х годов. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006. 351 с.
22. Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. 546 с.
23. Козлов В. И. Здание лирики. Архитектоника мира лирического произведения. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2009. 240 с.
24. Козлов В. И. Использовать при прочтении. О жанровом анализе лирического произведения // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 208–237.
25. Козлов В. И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: ЯСК, 2013. 280 с.

26. Козлов В. И., Мирошниченко О. С. Воспоминание как привидение: о пограничной зоне элегии и баллады // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 1. С. 35–43.
27. Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Декабристы. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1991. С. 252–258.
28. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург: ИФИОС «Словесник» УРО РАО; Урал. гос. пед. ун-т., 2010. 904 с.
29. Магомедова Д. М. Филологический анализ лирического стихотворения. М.: Academia, 2004. 187 с.
30. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. / сост. П. М. Нерлера; подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова, П. М. Нерлера; вступ. ст. С. С. Аверинцева. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1: Стихотворения. Переводы. Т. 1. 637 с.
31. Маркова Т. Н. Трансформация элегического жанра в русской поэзии первой трети XIX века // Уральский филологический вестник. 2016. № 4. С. 42–54.
32. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3851> (дата обращения: 07.06.2025)
33. Охотникова С. Р. Судьбы элегии в русской поэзии XX века (40-е годы) Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1997. 123 с.
34. Петрова М. А. Ретроспекция как способ построения лирического сюжета в поэзии С. А. Есенина: мотив воспоминания // Языкознание и литературоведение. 2011. С. 40–48.
35. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. [Примеч. проф. Б.В. Томашевского; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом)]. 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979.

36. Смирнов И. П. Олитературенное время. (Гипо) теория литературных жанров. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. 262 с.
37. Теория литературных жанров / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2011. 253 с.
38. Тюпа В. И. Генеалогия лирических жанров // Жанр как инструмент прочтения: Сб. статей. Ростов н/Д: Инновационные гуманитарные проекты, 2012. С. 104–130.
39. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
40. Тютчев Ф. И. Полн. собр. сочинений и писем: в 6 т. Т. 2. 637 с.
41. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Терра Кн. лавка-РТР, 1997 – наст. вр.
42. Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: URSS, 2010. 190 с.